

**ЗВЕЗДНЫЕ
РЫЦАРИ**

**ДРАКОНЬЯ
КРОВЬ**

ДРАКОНЬИ КОГТИ

ДРАКОНЬИ КРЫЛЬЯ

**ДРАКОНЬЕ
ПЛАМЯ**

**ДЕНИС
КАЩЕЕВ**

**ДРАКОНЬИ
КОГТИ**

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К31

Кащеев, Денис Георгиевич.

К31 Драконьи когти / Денис Кащеев. — Москва :
Эксмо : Яуза, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-092677-0

Согласно древней легенде, в незапамятные времена пять доблестных рыцарей встретили в глубинах космоса Дракона. Тот был ранен, но благородные воины не стали его добивать, великодушно позволив уйти. В благодарность Дракон отломил пять своих когтей и отдал их людям, завещав выковать из них кортики, равных которым не будет во всем Новом Мире. Изготовленные клинки так и называли — «драконьи когти».

Бытует поверье, что тот, кто завладеет всеми пятью «когтями», получит безраздельную власть над Новым Миром. Но вот уже сотни лет не было человека, который держал бы в руках хотя бы четыре из них.

Да и стоит ли верить старым сказкам?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092677-0

© Кащеев Д.Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

ланетарный дворец герцога Ана был более чем скромн размером и, надо признат, давно нуждался в ремонте, но зато его окружал великолепный парк, террасами спускающийся к зеркалу озера. На верней, примыкающей к заросшему плющом дворцовому фасаду, был разбит партер с просторными газонами и обрамленными низкими гранитными парапетами фигурными бассейнами. На парапетах стояли статуи, символизирующие главнейшие из входящих в состав герцогства баронств: опирающийся на огромную алебарду могучий богатырь Бор, инженер Стар с гаечным ключом в руках, красавица Кар, обнимающая сноп налитых колосьев, юная Рым, держащая в ладонях гроздь винограда, и другие — общим числом двадцат две.

От бассейнов вниз вела широкая мраморная лестница, у подножия которой располагался трехъярусный фонтан с чашей в виде огромного цветка. За ним началась широкая аллея, обрамленная ровными рядами акаций с аккуратно подстриженными кронами. По обе стороны от нее раскинулись «зеленые комнаты» — живые лабиринты, образованные тесно посаженными деревьями и кустарниками, в тенистых закоулках которых прятались статуи, фонтаны и гроты.

Аллея заканчивалась еще одной лестницей, выходящей к украшенной колоннадой пристани. Но это было еще не озеро — канал, ведущий к нему. Берега его были убраны в гранит, образуя прогулочные набережные. Полдюжины горбатых мостиков с ажурными перилами, перекинутые через водную гладь через каждые пятьдесят ярдов, соединяли их между собой.

В обычные дни парк был открыт для праздной публики — за исключением верхней террасы, перед которой днем и ночью стояла стража в серебряно-синих парадных мундирах, — сегодня, однако, попасть сюда можно было, лишь предъявив официальное приглашение. Его Светлость устраивали прием по случаю возведения в рыцарское достоинство младшего отпрыска — юного барона Шосского. До недавнего времени юноша состоял оруженосцем при маркизе Адде, наследнике герцога Альтера, и вот, заработав добросовестной службой собственные «седло» и кортик, вернулся в отчий дом.

Празднество продолжалось уже не первый час, все подобающие случаю здравицы были давно произнесены, дары вручены, кубки осушены, и блюда, громоздящиеся на выставленных под открытым небом столах, отведаны. Гости — а присутствовал, разумеется, весь цвет рыцарства Ан, — разбившись на группы по интересам, мало-помалу рассредоточились по парку в ожидании анонсированного организаторами грандиозного фейерверка. Негромко звучала музыка, мерно журчала вода в фонтанах, свежий ветерок с озера нес приятную прохладу...

Два человека вошли в лабиринт «зеленой комнаты» едва ли не одновременно, но с противоположных сторон. Тот, что пришел снизу, от канала, — высокий, с ног до головы закутанный в длинный черный плащ,

неофициальную униформу братьев Ордена Человечества, шагал не торопясь, словно пребывая в глубокой задумчивости. Лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, не позволяющий судить ни о возрасте, ни даже о поле гостя. Другой, явившийся со стороны дворцовых построек молодой рыцарь лет двадцати пяти, одетый в наскоро приведенный в порядок дорожный костюм, явно спешил, хотя и пытался всеми силами это скрыть, то и дело невольно ускоряя шаг, но тут же спотыкаясь на ровном месте и притормаживая. Хрустальный бокал, судорожно зажатый в его тонких пальцах, дрожал, роняя на траву рубиновые капли. К моменту, когда зелень скрыла молодого человека из виду, он успел расплескать едва ли не половину вина, так и не удосужившись даже пригубить его.

Они встретились на поляне, в центре лабиринта, возле мраморной статуи, изображающей Смерть, склонившуюся над поверженной жертвой.

— Свершилось! — выпалил молодой рыцарь, неловко дергая рукой и выплескивая остатки вина под ноги Смерти.

— Вы уверены? — глухо прозвучал вопрос из-под капюшона.

— Совершенно уверен. Я присутствовал во дворце, когда это произошло. Он мертв.

— Да упокоит всеблагой космос его несчастную душу, — проговорил человек в черном плаще. В голосе его не было ни огорчения, ни радости. — Сколько у нас времени до момента, когда об этом доложат герцогу?

— Не менее двух часов. Я вылетел немедленно, а прочих гонцов наши друзья постарались задержать.

— Отлично, — «капюшон» коротко кивнул. — Что ж, здесь у нас также все готово. Прийдемте на ниж-

ную террасу, нас ждет зрелище, пропускать которое не следует.

— Зрелище? — с ноткой удивления в голосе переспросил рыцарь.

— Фейерверк, — последовал ответ. — Фейерверк, который ознаменует наступление новой эры.

На пристани, куда они спустились через несколько минут, собралась уже немалая компания, центром которой были трое. Первый — сэр Ансельм, маркиз Горш, старший сын хозяина дворца, да и всей планеты, герцога Ана, — двадцатидвухлетний рыцарь с веселым, смуглым от загара лицом. Одет он был в синий с белой оторочкой длиннополый дублет и немного старомодные чулки-шоссы. На поясе — кортик в серебряных ножнах. Вторая — его очаровательная супруга леди Динара в пышном платье кремового цвета, оставляющем открытыми ее юные плечи и спину. И, наконец, третий, которого, вообще-то, по всем канонам следовало бы представить первым, не отлучись он как раз в этот момент на пару шагов в сторону, дабы взять со стола бокал с вином, — не кто иной, как принц Луи, известный как Луи Левша, единственный сын короля Артура Третьего Доброго. На наследнике престола был расшитый золотом пурпурный мундир, бывший, несмотря на некоторую вычурность, ему весьма к лицу. Ножны, навершие рукояти и гарду кортика, висевшего у правого бедра принца, усыпали драгоценные камни.

Луи был дружен с сэром Ансельмом, своим ровесником, гостил на Аннау уже несколько месяцев и, по слухам, собирался задержаться еще на столько же.

— Что-то фейерверк задерживается, — проговорил принц, возвращаясь в общество приятеля и его супруги.

— Ждут, когда начнет смеркаться, — предположил сэр Ансельм. — В темноте зрелище будет особенно впечатляющим.

— Что ж, мы никуда не спешим, — кивнул Луи, отпивая из бокала.

— Ой, смотрите, началось! — воскликнула внезапно леди Динара, показывая куда-то вверх.

Все присутствующие дружно задрали головы: небосвод пересекала по диагонали яркая белая звезда. Через несколько секунд до слуха гостей донесся издаваемый ею гул.

— О, еще нет, — рассмеялся Луи. — Это «седло» входит в атмосферу.

— Причем вне предписанных коридоров, — недовольно буркнул сэр Ансельм. — Наша орбитальная стража совсем распустилась...

— Спешит, словно за ним Чужие гонятся, — хмыкнул принц.

— Может, у него срочное дело? — предположила леди Динара.

— Это не повод нарушать установленные правила, — покачал головой сын герцога. — Каждый мнит свое дело срочным — но что будет, если все станут так летать?

— Поставщики фейерверков разорятся, — рассмеялся Луи, делая очередной глоток.

Внезапно он поперхнулся, едва не забрызгав вином кружевной подол платья леди Динары. Та невольно отшатнулась — и вовремя: бокал выпал из пальцев принца и со стуком упал на дубовый настил пристани, каким-то чудом не разбившись вдребезги. Луи покачнулся, не переставая кашлять, привалился плечом к колонне и стал медленно оседать.

Толпа ахнула.

— Что с тобой? — Бросившийся к другу сэра Ансельм попытался придержать принца рукой, но смог лишь предотвратить падение навзничь, усадив Луи на настил. — Лекаря! — истошно крикнул он, оборачиваясь к оторопевшим гостям.

— Лекаря! Лекаря! — подхватили десятки голосов. Кто-то стремглав бросился вверх по лестнице. — Лекаря! Его Высочеству худо!

Между тем затуманившийся было взор принца немного прояснился. Луи нашел глазами товарища.

— Ансельм... — пробормотал он, борясь с кашлем.

— Да, я здесь! — прокричал сын герцога, опускаясь на колени рядом с ним. — Как ты?

— Горит... — выдохнул Луи. — Горит... Где Алиса?

— Я здесь! — сквозь перепуганную толпу протиснулась худенькая девушка в придворном платье фрейлины герцогини. Оттолкнув оказавшуюся у нее на пути леди Динару — к немалому удивлению последней, — она метнулась к принцу.

— Алиса... — прошептал тот. — Слушайте все! — как мог повысил он голос. — Я... Я умираю...

— Нет! — в один голос воскликнули сэра Ансельм и фрейлина, воспользовавшись паузой, вызванной очередным приступом кашля.

— Я знаю... — качнул головой Луи. — Не спорьте — нет времени! Даже если не так!.. Слушайте! — Он подобрался, словно собираясь встать, но смог лишь немного распрямить спину. — Леди Алиса... Она носит моего ребенка!.. Кто бы ни родился, мальчик или девочка, настоящим я признаю его своим законным наследником!.. — провозгласил он, сияясь перекрыть пронесшийся по толпе гул. — В подтверждение чего... — рука

его метнулась к поясу, пальцы заскребли по карабину, удерживающему ножны на золотой портупее. — В подтверждение чего вручаю ей свой кортик... — справившись наконец с крепежом, он протянул оружие фрейлине. Рука принца мелко тряслась.

— Нет! — истошно закричала Алиса, отстраняя драгоценный кортик. — Нет! Ты не умрешь!

— Будьте все свидетелями! — выдохнул Луи, одной рукой насильно вкладывая ножны в ладонь девушки, а другой сжимая ее пальцы на них. — И еще одно...

Новый приступ кашля не дал ему договорить. Голова принца дернулась, на губах выступила алая пена, и он обмяк, повалившись на рыдающую фрейлину.

В следующий миг небо озарили первые залпы давно обещанного фейерверка.

1

Эдуард

Эдуард Минор Спурий с детства недолюбливал свое имя. Все три своих имени. Во-первых, Эдуард. Что это вообще за имя такое? В реестре Константина такого нет. Говорят, что якобы так звали его отца. Возможно, если тот был перегрином — у тех часто встречаются разные нелепые имена, но при чем тут он, гражданин Республики по праву рождения? К тому же отец был всадником, а значит, наверняка должен был сменить варварское имя на рекомендованное реестром.

Во-вторых, Минор. Это и вовсе не самостоятельное имя, оно значит «младший». Выходит, мало того, что он Эдуард, так еще и Младший Эдуард.

Минор использовалось только для документов, никто, кроме Елены, его так не называл, но в ее устах это как раз звучало необидно и даже приятно. Впрочем, в устах Елены все звучало приятно.

Ну и, наконец, Спурий. Казалось бы, имя как имя, в реестре значится, кажется, даже кто-то из почтенных сенаторов носит такое... Но вот незадача: его старинное, исконное значение — «внебрачный». Пусть об этом сейчас уже и мало кто знает, но для Эдуарда оно слу-

жило постоянным напоминанием о том, что его родители не были женаты.

Насколько он знал, отец погиб еще до его рождения, мать же умерла через несколько дней после родов, сумев тем самым избежать позора. Какие-то родственники у сироты, впрочем, остались — должен же кто-то был оплачивать его содержание в Школе Тиберия — престижном и отнюдь не дешевом детском интернате. Уже учась в грамматической школе, Эдуард пытался их разыскать, но, увы, не преуспел в этом. Скорее всего, его неизвестный благодетель к тому времени скончался, оставив, впрочем, после себя капитал, достаточный для получения мальчиком общего образования.

Грамматическую школу Эдуард окончил с отличием и в шестнадцать лет поступил в школу риторскую. Не то чтобы мечтой его детства было стать судебным оратором — признаться, он всегда хотел быть всадником, как его отец, — но, если у тебя нет собственного «седла», обучение в кавалерийской академии обойдется недешево, а риторская школа была даже готова платить способному студенту скромную стипендию. К тому же, туда пошла учиться Елена, что во многом предопределило и его собственный выбор.

С Еленой они были дружны еще с интерната. Иначе, наверное, и не могло произойти — слишком много у них было общего. Оба сироты, и оба — с нелепыми именами. Пожалуй, девушке повезло даже меньше его — ее имя не просто не значилось в реестре, но еще и нередко встречалось среди завезенных в Республику рабынь.

Кроме себя и нее, Эдуард не знал ни одного гражданина с именем, не упомянутым в реестре.

В детстве, в интернате, их часто пытались дразнить, но Эдуард спуска обидчикам не давал, кто бы они ни были — ни своим, ни Елениным, чем заработал признательность девушки и репутацию человека, связываться с которым — себе дороже. К временам грамматической школы недоброжелатели, если и осмеливались распускать свои поганые языки — то лишь за его спиной и вполголоса, ну а среди студентов риторской школы, молодых сторонников свободы и прогресса, большинству было абсолютно наплевать, как кого зовут и кто какого происхождения — если ты, конечно, не сын вольноотпущенницы или рабыни, но, слава Константину, сия участь Эдуарда миновала.

Словом, если раньше Эдуард, засыпая вечерами, мечтал о том, что, получив образование и достигнув, таким образом, полного совершеннолетия, непременно сменит имя на более благозвучное — Гней там, к примеру, или, может, Юлий, — то последнее время он если и не передумал окончательно, то уж точно сильно охладел к этой идее. Разве что Спурий все-таки надо будет убрать...

...Стоял ясный, по-весеннему теплый день. С учебником под мышкой Эдуард, как бывало обычно, ожидал Елену в портике школы. Занятия у их учебных групп заканчивались одновременно, но девушка почему-то всегда выходила из здания на десять-пятнадцать минут позже его. Как это у нее получалось, Эдуард не понимал, но давно смирился с подобным.

Сегодня, впрочем, Елена превзошла сама себя, заставив его прождать добрых полчаса. Эдуард собирался даже высказать девушке свое недовольство, но, едва взглянув в ее лицо, передумал: она явно выглядит чем-то обеспокоенной.

— Что случилось? — поинтересовался он, нахмурившись, вместо обычного приветствия.

— Помнишь, я тебе рассказывала о дяде Турусе? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— Помню, а что? — кивнул он.

В отличие от него Елена своих родственников знала. Точнее, одного родственника — старого оратора Туруса, которого называла дядей, хотя по возрасту тот, скорее, годился ей в деды, если не в прадеды. Жил он где-то на окраине города, вроде бы небогато, но за учебу «племянницы» платил исправно. Эдуард сам никогда его не видел, но знал, что Елена «дядю» почему-то немного побаивается — без очевидной причины, иррационально.

— Мне сообщили, что он хочет меня видеть, — сказала девушка. — Говорят, он умирает...

— Просьба умирающего священна, — пожал плечами Эдуард. — Надо навестить старика.

— Я понимаю, но... — Елена не любила прямо говорить о своем страхе — как вообще о собственных слабостях, которых, впрочем, было не так много. — Сходи со мной, а? — подняла она на приятеля огромные серые глазищи.

— Не знаю, удобно ли... — заколебался юноша.

— Удобно! — поспешила заверить она. — Дядя всегда говорил: заходи с друзьями. Я, правда, и одна-то не особо заходила...

— Ну хорошо, — кивнул Эдуард. — Сходим.

— Спасибо! — Встав на цыпочки — иначе было не дотянуться, — она звонко чмокнула его в щеку. Студент почувствовал, что краснеет. — Пошли!

— Что, прямо сейчас?

— Конечно. Если он и впрямь при смерти — тянуть не стоит... Мы ненадолго, — поспешно добавила она,